

Валерий Владимирович Шкода

Был у меня друг

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573805
Был у меня друг: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-46674-0

Аннотация

Максим Веденеев первый раз выезжает с ротой на боевые. Его бронетранспортер подрывается на фугасе. Придя в себя, Максим Веденеев видит, что остался один. Ему удается добраться до сопки, где он находит свою ложку. Понимая, что это знак, он откапывает плащ-палатку и записку с указанием места, куда направились его бойцы. Максим еще не знает, что после того, как он подорвался, «духи» перебили всех его ребят, а непосредственного командира и друга, младшего сержанта Егора Чайку, взяли в плен. Веденееву удастся скрытно добраться до расположения моджахедов...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ВОЙНА И МУЗЫКА	7
ПЛАТА	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Шкода

Был у меня друг

В этой жизни победить можно все – это серьезно, но это не главное. Гораздо важнее – не забыть, во имя чего ты побеждал.

ПРОЛОГ

– Смотри, Санек, – тихо сказал Равшан, – парня тяжелого привезли, похоже, грудина навывлет.

Скривившись от боли, Саша приподнял двумя руками загипсованную до колена ногу и осторожно поставил ее на пол. Взяв прислоненные к спинке его железной койки костыли и осторожно приподнявшись с кровати, он медленно приковылял к Равшану. Узбек, застывший у распахнутого настежь окна, внимательно изучал прилегающую к Центральному госпиталю территорию.

– Похоже, без сознания... Плохи его дела. Смотри, какой он бледный, прямо как известь, – произнес Равшан, помогая Саше пристроить костыли у подоконника.

Во дворе двое рослых санитаров-сверхсрочников торопливо несли в сторону входа в операционный блок брезентовые полевые носилки. На них, безжизненно покачиваясь в такт движению, лежал молодой светловолосый парень, одетый в серый горный костюм, сшитый из плотной непродуваемой ткани. На груди костюм был разорван, и с высоты второго этажа хорошо было видно бурое пятно, зловещей кляксой запекшееся на белых бинтах по самому центру груди. «Если в «горняшке», значит, прямо с боевых», – машинально подумал Саша, с трудом удерживая загипсованную ногу на весу.

– Откуда воин? – спросил он у товарища, сощурился от слепящего света стремительно набиравшего силу раннего кабульского солнца.

– Аллах его знает, – пожал плечами Равшан и, зло сплюнув в открытое окно, холодно добавил: – Ну уж точно не из батальона охраны продовольственных складов.

Тем временем угрюмые санитары, ненадолго скрывшись в дверях операционного отделения, вновь появились на улице и молча направились в сторону хоздвора. Один из них нес на плече сложенные пополам носилки, второй молча курил на ходу, постоянно сплевывая себе под ноги. Когда они проходили мимо окна Сашиной палаты, он их окрикнул:

– Слышь, парни! Откуда раненый?

– Из Гардеза, – не поднимая головы, равнодушно ответил санитар с носилками и после небольшой паузы добавил: – Сегодня его в районе Диаранхвара «дух» снял... Пуля прошла навывлет...

– Снайпер? – уже в спину санитару крикнул Саша.

– Не знаю, – так же угрюмо буркнул сверхсрочник и скрылся за углом центрального корпуса.

– Ну, если из Гардеза, то все понятно. Там ребята без дела не сидят, постоянно в горах огребают, – сказал Равшан и очень медленно, по осевой, развернул свое завернутое в плотный корсет тело. Затем, медленно переставляя ноги, как заржавевший дровосек из детской книжки, он подошел к стоявшей у самой стены кровати под панцирной сеткой, на которой лежал наскоро сбитый гвоздями деревянный щит. С большим трудом, сначала встав на колени с вертикально застывшим корпусом, затем согнувшись под прямым углом и положив верхнюю часть туловища на койку, узбек развернул свое тело набок и поочередно перенес на кровать обе ноги. Приложив немалые усилия, Равшан наконец устроился на своем жестком

лежбище. Тяжело отдуваясь, он, как мог, вытянулся на спине и, тоскливо глядя в потолок, спросил: – Ты, Санек, был в Гардезе?

– Нет, – ответил Саша, чувствуя, как наливается кровью и начинает пульсировать искалеченная нога.

– А я был, десантно-штурмовая бригада там стоит, – все так же глядя в потолок, задумчиво сказал Равшан, – наш саперный полк на Хост через них перебрасывали. Несколько дней мы там стояли, воюют парни постоянно.... И самое интересное, лютые они там все до ужаса. Глаза у всех словно остекленевшие. Как зомби ходят, особенно молодые, их там шнурами зовут. Наши «деды» хотели одного из них построить, так, по приколу, делать им нечего было. Этот парняга, «молодой» ихний, мимо наших палаток зачем-то проходил, наверное, в пекарню шел, она у них на самом краю бригады стоит. Худой такой весь, глаза красные..., у-у-у, шайтан! Ну, и кричат они ему: «Эй, салабон, ты че это мимо «дедушек» проходишь и честь не отдаешь? Охренел, что ли, «дэшэбист»? Ну-ка, махом нагнулся на маклуху, прыщ!» А он им такой концерт устроил, долго помнить будут. Достал, значит, из кармана «эфку» боевую, вытащил кольцо, поднял ее над головой и говорит: «Вы че это, чуматура, над десантом приколоться решили? Ну..., эт-то вы зря». Поставил их в упор лежа и прокачал по полной программе. Затем спокойненько колечко обратно вставил и зашагал по своим делам. Представляешь? Это у них шнуры там такие, какие же у них тогда дембеля?

– Да-а... – понимающе протянул Саша, закрывая окно, – слышал я про них. Во все дыры их швыряют, оттого и злые, потери у них постоянно.... В общем, одно слово – Гардез.

Саша приковывал к своей кровати и, убрав костыли, осторожно лег на левый бок лицом к окрашенной в зеленый цвет безмолвной стене. Растревоженная передвижением от койки к окну и обратно нога нестерпимо ныла, а раздробленная кость вызывала непереносимое ощущение человеческого отчаяния, внезапно нахлынувшего на раненого солдатика.

Закрыв глаза, он попытался справиться с этим состоянием, но получалось плохо. Все его сознание безнадежно растворилось в нестерпимом физическом страдании, и никаких иных мыслей в его воспаленном мозгу в этот момент не шевелилось, кроме одной: как справиться с этой адской болью?

И тут перед глазами страдающего от боли связиста возникло бледное, безжизненное лицо того парня с разорванной в клочья грудью, которого только что пронесли на операцию....

Эта невеселая картина на время отвлекла Сашу, и он вскоре почувствовал облегчение своей личной боли, которая, уходя, блаженно разнесла по телу умиротворяющее тепло. Но в то же время ему стало стыдно за свое малодушие: «Я тут лежу, живой и почти здоровый, дурью маюсь, а парень там под скальпелем может умереть в любую секунду, не приходя в сознание.....»

Эх, жизнь! Противоестественно, но совершенно очевидно то обстоятельство, что при виде чужого, более глубокого по сравнению с твоим страдания тебе самому становится легче. Ведь всегда найдется человек, который страдает больше, чем ты, и всегда есть тот, кому намного тяжелее переживать наступившую минуту отчаяния, чем тебе. А это значит, что всегда можно найти объект, созерцая страдание которого, ты сам постепенно успокаиваешься.

Но тревожит душу не это, а то, что до сей поры нам так и не объяснили, с какой же все-таки целью наша жизнь наполнена разнообразными мучениями, от которых мы все время хотим избавиться и жить счастливо. И почему в нашей истории не было ни одного человека, сумевшего пройти свой земной путь, ни минуты не страдая. Кому-то достается больше, кому-то совсем чуть-чуть, кто-то получает всю отмеренную ему боль сразу, а кто-то небольшими порциями и постепенно, но очевидно одно: все жившие до нас и здравствующие ныне

познали горький вкус всевозможных лишений, а тех, кому еще лишь суждено появиться на свет божий, уже на входе в нашу обитель ожидает боль.

И вот что удивительно: среди нас есть те, кто, делая осознанный выбор, умышленно бросает себя в пучину тяжелых испытаний, каким-то немислимым образом осознавая – без этого дальнейшая жизнь потеряет всяческий смысл.

Да, есть и такие, которые идут в огонь, обрекая себя на невероятные муки, порой не по из адресу посланные, и делают они это только потому, что сердцем своим постигли одну очень важную вещь: только преодолевая испытания, взамен ты сможешь получить силу, знание и чистоту души.....

ВОЙНА И МУЗЫКА

Стань музыкой, война, прошу тебя...

Безмолвное оранжевое солнце лениво выползло из-за рельефного горизонта, осторожно разгоняя липкий предрассветный туман. С высоты караульной вышки полузакрытыми глазами Максим смотрел на окружавшие его величественные горные пики и обреченно осознавал: бороться с окутавшим его туманом сна он больше не в состоянии. Чугунные веки, покорно повинувшись земному притяжению, медленно, но неумолимо опускались вниз, и, чтобы разлепить их, не хватало никаких человеческих сил.

«Пропадаю ни за грош...», – лениво проплыла по бесшумному морю сознания осоловевшая мысль. Вынырнув на время из дремотного плена, словно из плотных глубин океана, солдат с силой хлестанул себя по щеке ладонью. Помогло, но не надолго. Через пару минут веки вновь налились тяжеленным металлом и беспомощно слиплись.

«Только через тридцать минут смена караула, а стоять на вышке сил уже нет. Если Чайка найдет меня на вышке спящим, это верный и мучительный конец... Он хоть и справедливый, но строгий ветеран – пощады мне не будет...».

Прошло еще несколько минут. Находясь на грани яви и сна, Максим безвольно осознавал, что внутри его тела нет сил, способных вернуть спасительную бодрость. Сладкая дрема ласково тянула его в блаженный мир сказочных иллюзий, где не было войны и суровых дембелей, всегда готовых жестоко наказать за любой «залет». Максиму очень хотелось расслабиться и увидеть сладкий сон. Если повезет, блаженно представлял он, приснится дом и мама, ласково целующая своего старшего сына. Если очень повезет, то приснится Маринка, снимающая со своего загорелого упругого тела ярко-красный, переливающийся на солнце купальник...

«Может, не сопротивляться? Расслабиться минут на десять, а потом резко открыть глаза... А если не откроешь? – тут же слабо шевельнулось в осоловелом молодом десантнике истощенное вынужденной бессонницей чувство ответственности. – Ты представляешь, что тебя тогда ждет? Вспомни белоруса! Ну же! Соберись и открой глаза!»

Прилагая титанические усилия, Максим тряхнул головой и вновь на несколько секунд вырвался из пленительной дремы. Стоял он, опершись облаченной в бронежилет грудью о край караульной вышки, тупо оглядывая сгрудившуюся внизу бронетехнику. В этом карауле ему «повезло»: охранять парк боевой техники – самое неблагоприятное занятие. Ночью бродишь привидением среди железных монстров, а с рассветом должен стоять на вышке, как пугало, хорошо просматривающееся с любой точки расположения бригады.

Максим раздосадованно плюнул и, глядя, как плевков, описав приличную дугу, повис на стволе крупнокалиберного пулемета стоявшего внизу БРДМа, вновь ощутил сладкий прилив накатывавшейся дремы. Веки снова предательски слиплись.

В прошлом карауле на этом самом месте заснул Бульба. Он также стоял, опершись о деревянный край вышки, и сладко дремал, пока начштаба бригады, выйдя на крыльцо штабного модуля, в бинокль не разглядел спящего шнура. Следуя правилам военной иерархии, суровый полковник тут же солидно «вздрючил» командира батальона майора Флюса, тот незамедлительно «оттянул» начальника караула старшего лейтенанта Гладышева, пообещав тому вечное лейтенантство и «хрен тебе, а не отпуск». Разъяренный мрачной перспективой Гладышев «надел на кутак» всех мирно отдыхающих дембелей, предварительно разбудив и построив их в комнате отдыха караула. Ну, а если попытаться описать то, что было потом с Лехой, то получится сценарий для фильма ужасов. До сих пор эта история белорусу икается.

Максим медленно повернул «башню» в сторону штаба и, расходуя последние силы, разлепил один глаз. О, черт! На крыльце, направив взгляд в сторону его вышки, застыла фигура в офицерской форме. Неужели начштаба?!

Штаб был далеко, и в остатках утреннего тумана опознать военного не представлялось возможным. Но удивительная все-таки штука человеческий организм. Только что почти безнадежно уснувший Максим вдруг подпрыгнул, как резиновый мячик, и резво зашагал по периметру вышки, активно размахивая занемевшими руками. Смотри, мол, отец-командир, как рядовой Веденеев активно несет боевую вахту, ну просто идеальный солдат, который даже понятия не имеет, что такое сон на боевом посту.

Постояв на крыльце пару минут, офицер скрылся в помещении штаба, а запыхавшийся Максим перевел дух. До смены оставалось совсем немного. «Ну, теперь уже точно не засну», – облегченно подумал Максим и, вытирая вспотевший лоб, мысленно послал виртуальную благодарность неопознанному штабисту, который одним своим видом моментально развеял губительные грезы.

Вскоре у входа в парк замаячили идущие друг за другом вооруженные автоматами фигуры в зеленых панاماх и бронежилетах.

«Ну, наконец-то!»

Бодро «шевелия поршнями», Максим по лестнице спустился с небес на землю и, дождавшись, когда смена подойдет поближе, звонко крикнул:

– Стой! Кто идет?!

– Конь в кожаном пальто, – услышал он в ответ голос разводящего караул младшего сержанта Чайки, «ветерана» по сроку службы.

– Глядя на тебя, никогда бы не подумал, – ухмыльнулся Максим.

– Ты поостри мне еще, – пытаюсь придать мягкому голосу грозный оттенок, огрызнулся младший сержант. Но Максим, как, впрочем, и все ребята его призыва, Чайку не боялся, потому что человеком тот был хотя и не слабым, но каким-то странновато безобидным. Единственная неприятность, которую он мог сделать молодым, так это «прокачать» их на спортгородке, что, впрочем, удовольствия доставляло мало.

– Спал?!

– Я? – выпучив пурпурные глаза, возмутился Максим. – Да боже упаси, Егор, ты же меня знаешь.

– Тогда почему шары, как у рака, красные? – хмуря светлые брови, спросил младший сержант.

– Потому что глаз не смыкал всю ночь, понимаешь, бронетехнику бригадную караулил, – шутливо подмигивая ребятам, заметил Максим.

– Глаз он не смыкал, – поправляя висевший на плече автомат, передразнил его Чайка и добавил: – Пошли в караулку, там тебе не до веселья будет. Найдем занятие, ... обхохочешься, – улыбнулся уголком рта младший сержант и, развернувшись к Максиму ровной спиной, обтянутой выгоревшим на солнце «хаки», не спеша направился к выходу из парка.

Разрядив у специального стенда свой АКС, Максим спрятал магазин в подсумок и, стараясь не шуметь, медленно вошел в караульное помещение.

То, что долго отдыхать ему не дадут, – это факт, несмотря на то что по Уставу гарнизонной и караульной службы вернувшемуся с поста солдату два часа положено бодрствовать, а потом спать и видеть во сне дом. Так наивно думал и Максим, изучая в «учебке» эту декларацию. Но оказалось, что книга эта имеет два смысла: явный и тайный, а армейский мир не так уж и прост, каким его описывают уставы. Все дело в том, что дембеля Советской Армии в этот войсковой Талмуд заложили свой, скрытый от неискушенных глаз эзотерический смысл. Это сокровенное знание открылось Максиму в первом же афганском карауле, когда, сменившись с поста, он наивно думал, что разводящий ведет его в караулку, как поло-

жено по Уставу. Но пути господни оказались неисповедимы, и следующие два часа Максим провел на другом посту, размышляя на тему: «Для кого написан Устав?» Со второго поста глубокой ночью его – наконец-то! – привели в караулку, но вместо отдыха предложили навести там порядок. На неосторожный вопрос: «Но, извините, в Уставе сказано...», старослужащие ему вполне резонно ответили: «Мы знаем, что там написано, но это тебя не касается. Отшурши год, как положено, потом будешь тащиться», – и прибавили к этому ответу еще кое-какие достаточно веские аргументы. В общем, до комнаты отдыхающей смены Максим в эту ночь так и не добрался, но зато к утру его отупевший от усталости мозг получил неожиданное просветление, и он, что называется, «врубился» в службу. Больше глупых вопросов старослужащим он не задавал.

Вот и сейчас, осторожно ступая по скрипучим половицам, Максим прикидывал варианты: или пошлют за завтраком, нагрузив двумя железными бачками-термосами, или поставят на «собачку-вертушку» у входа на территорию караула, или заставят наводить порядок в караульном помещении.

Лучше бы, конечно, за завтраком. По дороге хоть спокойно можно покурить, спрятавшись за длинными рядами ротных каптерок, дух немного перевести, а то здесь ведь в покое не оставят, «припахают» как пить дать.

Осторожно, по-кошачьи мягко, стараясь не шуметь, Максим прошел по пустынному коридору караулки, заглянул в столовую. Но там никого не было, кроме Чайки, уже успевшего заснуть, уронив голову прямо на деревянный стол. «Пусть дрыхнет», – обрадованно подумал Максим и закрыл дверь столовой.

Но Чайка не спал. Он слышал, как невидимый его взору призрак тихонько заглянул в «бистро», так бойцы называли небольшое полутемное помещение с одним пыльным окном и несколькими массивными столами в два ряда. «Кто-то из шнуров», – вяло догадался Чайка по характерной для молодых солдат осторожности в движениях. Если бы, не дай бог, шумные дембеля неожиданно проснулись в такую рань, то Чайка наверняка узнал об этом первым. Организация их досуга и питания в карауле – это была его святая обязанность. По неписаным, но безапелляционно исполняемым законам солдатской иерархии в расположении бригады дембеля общались со шнурами напрямую только в трех случаях: в случае отсутствия поблизости ветеранов, то бишь отслуживших год десантников, в случае нерасторопности последних и просто от скуки. Во всех остальных вариантах дембель – это бог для молодого солдата, а с богами общаться принято через посредников. И если уж старослужащий и снисходил до обращения непосредственно к шнуру, и это не связано было с карой небесной за какой-нибудь «залет», то молодой оказывался безмерно счастливейшим рабом божьим, до конца дня пребывавшим в религиозном экстазе.

«Спят «дедушки», – блаженно прикрыв глаза, подумал Егор, – ну и я вздремну. Устал я что-то за эту ночь караулы шнуровские разводить». С этой мыслью он мгновенно уснул, твердо зная, что проснется ровно через пятнадцать минут для того, чтобы отправить Веденеева за завтраком. Если, не приведи господи, раньше проснутся голодные «деды», а просыпаются они всегда голодные, и завтрака не окажется, то прежде спросят с него: «Ты что же это, Егор, молодежью совсем не рулишь? Службу завалил, что ли? Нехорошо, нехорошо, а все доброта твоя. ...Это залет на всю 40-ю армию. Строй всех в коридоре, будем наводить порядок в десантных войсках...». От словосочетания «строиться в коридоре» Егора Чайку передергивало даже во сне. Хоть он и был уже ветераном, но шнуровские тяжелые времена были вырезаны в книге его человеческой памяти на самой живой и постоянно ноющей странице в главе под названием «незабвенное хранилище душевных мук».

То, что физических страданий не бывает как таковых, Егор понял с первых дней службы, когда резко захлопнувшейся крышкой люка БТРа ему, как лезвием, срезало фалангу среднего пальца на левой руке. Тогда от болевого шока он мгновенно потерял сознание.

Когда рассудок вернулся в его отяжелевшую голову, острой телесной боли уже не было, но ее место заняла тупая, тянущая энергию жизни душевная боль по поводу так бездарно потерянной части его молодого туловища.

Сердцем понял тогда Егор, что неосознанное физическое тело – гораздо более универсальный механизм, чем несовершенное тело душевное, не имеющее даже защитного механизма от своей боли, доводящей порой молодых, физически совершенных ребят до последней черты. Но, понимая это, ты понимаешь также и то, что любую конструкцию можно создать, надо лишь приложить к этому волевые усилия. То, что в тело заложен весь комплекс защитных механизмов, заслуга не человека, а того, кто это тело создал. А вот совершенная душа – это плод долгой и кропотливой внутренней человеческой работы. В Афганистане все это как-то быстрее открывается, особенно в начале службы, но, к сожалению, не всем....

Первые афганские месяцы – это борьба за выживание и сплошная череда одинаково голодных, бессонных, за гранью человеческих возможностей серых и безликих дней. Выдерживали далеко не все, но физическая боль никому не доставляла особых хлопот. Безмерно страдали чем-то другим, глубоко спрятанным за оболочкой материи, от того и падали один за другим сильные с виду ребята. Но благодаря открывшемуся пониманию генезиса внутренних мучений Егор Чайка выдержал, хотя мало кто из «стариков» верил в этого щуплого и ничем не приметного смуглого паренька с узкими плечами и болтающимися вдоль тела непропорционально длинными и жилистыми руками. Он спокойно выживал рядом с падающими один за другим мощными «качками». Это был его секрет, который открывался ему долгие месяцы, проведенные под ружьем.

Родом Егор был из небольшого рыбацкого поселка, расположенного на пустынном холмистом берегу Азовского моря. С детства он не отличался от своих сверстников никакими выдающимися талантами. Рос обычным тихим пареньком, ни в коей мере не претендующим на блестящее будущее образованного и выдающегося члена советского общества.

Стоящая на самом краю засыпанного мелким морским песком поселка восьмилетняя школа, в которую с опозданием на целый год ввиду ранней кончины своей матери пошел учиться восьмилетний Егор, могла дать ему очень относительное образование. Да, впрочем, никто и не требовал от Егора каких-либо достижений в области наук.

Рано овдовевший отец мало интересовался школьными делами единственного сына, с восьми лет предоставленного самому себе. Работал он на последнем «живом» на весь поселок предприятии, полуразвалившемся рыбколхозе под названием «Рыбный путь». Ходил в море дизель-мотористом на небольшом, покрытом ржавчиной и мелкими ракушками малом рыболовном сейнере, с уставшей от обжигających зимних ветров центральной мачтой и давно не работающей радиостанцией.

В осеннюю путину, когда отец уходил в море на лов рыбы, маленький Егор оставался на несколько недель совершенно один в пустом родительском доме. И тогда, укрывшись старым штопаным одеялом, пропахшим соленым ветром и запахом рыбьего коктейля из кефали, пелингаса и протухших мидий, Егор предавался единственно возможному в его условиях занятию – самосозерцанию. Ему несложно это давалось в отдающем морской сыростью саманном жилище с глиняным полом и двумя полуметровыми мутными оконцами, под суровый шум накатывающегося на безлюдный берег холодного мутного моря. Книжек он не читал, а телевизор работал крайне редко из-за практически постоянного отсутствия в поселке электричества.

В такие дни одинокий Егор впервые начинал задумываться о путях бытия, об отличности человеческих судеб, непонятно кем придуманных. Его детский, совершенно не развитый окружающими обстоятельствами ум никак не мог постичь одно обстоятельство: почему все эти суровые люди, живущие в его родном и забытом богом, окруженном сопками и морем поселке, совершенно не похожи на тех счастливых и улыбающихся, опрятно одетых людей,

которых он видит на черно-белом экране иногда оживающего старого телевизора. Там, за пыльным стеклом говорящего ящика, он лично видел совершенно других людей, счастливо живущих в фантастической столице их великой Родины. Эти избранные небожители, живущие в благоустроенных квартирах, носили белые рубашки и галстуки, по выходным дням ходили в зоопарк или даже в цирк. Он не мог понять, почему в этом неправдоподобном мире совершенно спокойно любой школьник его возраста может после школы зайти в ближайший магазин и купить себе мороженое на выбор, облитое шоколадом или без такового, а в их поселковый магазин мороженое никогда не завозилось вообще в связи с удаленностью от районного центра и жарким климатом. Сам Егор мороженое ел всего один раз за всю свою короткую жизнь, да и то лишь в растаявшем виде.

Как-то раз отец, приехав из райцентра, поставил перед ним литровую банку с расплавленным лакомством и плавающей сверху деревянной палочкой. Дождавшись, когда Егор его выпьет и липкими губами оближет деревяшку, он поинтересовался: «Тебе понравилось, сынок?» На что Егор, пожав худыми плечами, при полном отсутствии положительных эмоций ответил: «Пап, привези мне лучше в следующий раз козинаки с орешками...».

Закрыв дверь столовой, Максим заглянул в комнату бодрствующей смены. Там, положив усталую голову на потрескавшиеся кулаки, лежавшие на спинке старого стула, похрапывая, «бодрствовал» Кирилл Сабуров по прозвищу Железо. Земляк одного с Максимом призыва. Удивительного, стального характера человек. Какие бы тяжелые времена ни наступали для молодых бойцов – а других времен у них пока и не было, никто не видел страданий на его невозмутимом лице. Рядом за обшарпанным, выдавшим виды коричневым столом сидел Леха Гарбуль, он же Бульба – с Уставом гарнизонной и караульной службы в руках. Бедный белорус! После его «залета» на вышке он по полной программе получил от старослужащих маклух, калабах, крокодилов и т. д. Мало того, теперь каждое утро на зарядке вся рота бежала кросс налегке, а Гарбуль – в двух бронежилетах и с каской на голове в придачу. На десерт его заставили выучить наизусть этот проклятый Устав, написанный таким сухим и казенным языком, что, казалось, писали его специально созданные для этого роботы. Как он все это выдерживает, бедолага? А ведь говорят, что до службы он успел в университете поучиться, и родители у него большие «шишки». И каким образом он умудрился вместе с нами, простыми смертными, в эту дыру попасть?

Приветствуя вошедшего друга кивком коротко подстриженной головы, Алексей с отвращением отбросил на край стола ненавистную сухую книжицу и, крепко зевая, спросил:

– Сменился, что ли?

Максим утвердительно кивнул в ответ и, оглядев помещение, тихо спросил:

– А где Горох?

– Тебе Чайка разве не рассказал по дороге про гороховский залет? – поднял удивленные брови Леха. – А, кстати, где он сам?

Максим кивнул головой в сторону «быстро» и, шутливо перекрестившись, сказал:

– Дрыхнет прямо на столе. Так где Горох-то?

– Ты же знаешь Серегу, он без залетов не может, – широко зевнул Гарбуль, – с поста его еще ночью сняли и сразу на «губу». Теперь или ты, или, ... – Бульба кивнул в сторону спящего Железа, – Кирюха за него на взлетку пойдет стоять.

– Твою мать! Отдохнул, называется, – произвольно вырвался у «обрадованного» новостью Максима малодушный стон. «Господи! Где сил-то взять?» Но, посмотрев на бледное, с синими кругами под глазами лицо белоруса, прикусил язык.

– Чего же он в этот раз натворил-то?

– Ума у него нет совершенно, – покрутил указательным пальцем у виска Бульба. – По зайцам ночью стрелять удумал, представляешь? Где-то фонарик умудрился надыбать.... А

они на свет выскакивают, и он их мочит, они выскакивают, а он их из автомата очередями... Представляешь, что от тех зайцев осталось? Во-во, одни уши. Но это полбеды – рядом с нашим постом «зеленые» окопались, а ты сам знаешь, какие они «храбрые» воины. Так вот они со страху подумали, что это душманы в атаку пошли, ну и в ответ херакнули со всего, что у них было, Гороха чуть не закосили. Ну, в общем, еле уладили, комбрига пришлось с постели поднять. Что там было, ... передать невозможно. Комбриг в гневе приказал Гороха под трибунал отдать.

– Да ну?! Серегу под трибунал? Во дела-а! – выдохнул, качая головой, Максим.

– Да ты же его знаешь, ему все по барабану: караул, война, дембеля, трибунал, комбриг с командующим, вместе взятые, – закончил рассказ Леха. – После «губы» мы с ним вместе на зарядке в бронжилетах бегать будем. Все ж веселее.

– Это точно, – сочувственно согласился с другом Максим и, зевая, добавил: – А я наивно думал вздремнуть часок...

– Это вряд ли, – ухмыльнулся белорус. – У тебя есть закурить?

– Есть одна «Донская» в заначке, – с этими словами Максим вытряхнул из зеленой, выцветшей от солнца панамы помятую сигарету без фильтра. – Пойдем на улице подышим.

Проходя мимо комнаты отдыхающей смены, где обосновался исключительно дембельский состав караула, друзья с завистью слышали смачный храп старослужащих. «Ничего, когда-нибудь мы тоже будем так отдыхать, придет наше время», – подумали они об одном и том же.

Тихонько выйдя на улицу, парни сели на деревянную скамейку и раскурили единственную на двоих сигарету. Набиравшее силу солнце нежно и с пониманием ласкало их заостренные обветренные лица, словно пытаясь сказать: ну потерпите еще малость, вы же сильные, немного вам осталось шнурить, там полегче будет....

– Ты сам-то как? – спросил Максим, передавая другу сигарету.

– Да никак, – ответил тот, затягиваясь и глядя куда-то вдаль, – всю ночь не спал. Сначала на вешевом складе смену стоял, потом на «собачке» два часа, потом за Фана на его посту, теперь вот просвещаю, Устав зубрю, ... мать его! Смотреть уже на эту уродскую книгу мочи нет, – зло сплюнул на землю Гарбуль.

– Неужели совсем не спал? – изумился Максим.

– Ни грамма. Фан говорит, ты в прошлом карауле на вышке выспался, теперь давай тащи службу, ... – Белорус поджал губы. – Хожу, шатаюсь. Сил никаких не осталось, – искренне пожаловался другу белорус и зло скрежетнул зубами. Видно было, что он находится на пределе своих уже резервных сил. – За что нам такое наказание, а, Максим?

– Не знаю, – пожал тот плечами в ответ, – за грехи, наверное, тяжкие. – Максим попытался улыбнуться, но, бросив взгляд на утомленное лицо друга, веселиться передумал. Тот явно нуждался в поддержке.

– Немного нам терпеть осталось, Леха. Ты, это... держись давай, не скисай, – утешал он, как мог. – Дембеля скоро улетят, придут наши молодые, другая жизнь у нас будет. Мы в комнате отдыха, шнуры на посту. Прикинь, да? Совсем по-другому служба у нас пойдет. Думаешь, Фан с Бригом не летали, как электровеники, когда молодыми были? Еще как летали, мне Чайка рассказывал, он ведь их на полгода всего младше призывом, вместе шуршали.

– Да все правильно ты говоришь, – равнодушно ухмыльнулся белорус и крепко затянулся, – только сил вот совсем уже нет, – выдыхая табачный дым, тупо повторил он. – А завтра в горы идем на Макаву, когда отдыхать-то? Чокнусь я, наверное, скоро. В башке голоса какие-то уже слышу, – слабо улыбнувшись обветренными губами, тоскливо протянул Гарбуль.

– На Макаву? Завтра?! – присвистнул Максим. – Откуда знаешь?

– Гладышев сказал, – ответил Леха. – Потом сразу на Газни, двухэтапная операция.

Максим присвистнул и почесал затылок. Потом, о чем-то подумав, резко встал и, мельком заглянув в караулку, предложил:

– Ты, Леха, покемарь прямо тут на скамейке, а я на фишке постою. Если кто-нибудь выйдет, я тебя быстро растолкаю.

Ответить у изможденного бессонницей Гарбуля не получилось. Лишь услышав: «Леха, покемарь...», он благодарно улыбнулся, разом обмяк и, стукнувшись затылком о стену, вмиг уснул.

Максим стоял у входа в караулку и попеременно поглядывал то внутрь помещения, то в сторону спортивного городка, за которым находился деревянный «модуль», где квартировал музыкальный взвод. Белая кость, элитное подразделение бригады – в том смысле, что питались как положено и спали сколько надо.

«Живут же люди! – зло позавидовал Максим музыкантам. – Никаких тебе караулов, никаких боевых операций в горах, построения бригадные их тоже не касаются. Знай себе репетируют потихонечку, да в клубе по праздникам концерты дают. Еще и в Кабул на смотри разные летают музыкальную честь бригады отстаивать. В общем, живут, как сыр в масле. У них, говорят, даже дедовщины нет, вот это жизнь!»

Молодой солдат зло сплюнул в сторону «музыкального модуля» и посмотрел вначале на свои растрескавшиеся, покрытые желтыми мозолями руки, затем на беспокойно спящего, изведенного тяжелой службой друга. Неудобно откинув голову назад и вытянув в разные стороны ноги, белорус шумно дышал широко открытым ртом, монотонно постанывая на выдохе. Спи, Бульба, отдыхай, друг, неизвестно, когда еще расслабишься.

То, что завтра в горы на войну, – это, наверное, неплохо. Там хоть всю ночь и приходится шагать вверх-вниз, зато весь световой день, замаскировавшись, дрыхнешь, укрывшись плащ-палаткой.

Достали уже эти караулы, сил нет их тащить. Караульная служба в Афганистане – это тяжелое бремя молодых солдат. Старослужащие, как правило, в караулах отдыхают, взваливая на шнуровские многострадальные плечи всю тяжесть этого изнурительного процесса.

Нет, в горах лучше, в очередной раз констатировал Максим, разглядывая вышедшего из «музыкального модуля» бригадного горниста. Пройдя вдоль забора караульной территории, тот, бережно прижимая к груди медный, горящий в лучах восходящего солнца горн, не спеша пересек спортивный городок и направился в сторону плаца трубить подъем спящему десантно-штурмовому царству.

«Гляди, какой чистенький и гладенький, – завистливо смотрел Веденеев вслед удалявшемуся трубачу. – Всю ночь харю свою музыкальную плющил, а сейчас оттрубит подъем, позавтракает и в клуб на репетицию, и так до дембеля. Вот это служба! Везет же некоторым!»

Максим не раз слышал, как со стороны бригадного клуба доносились мелодичные звуки, издаваемые различными музыкальными инструментами. Особенно ласкал слух родной для него голос электрической соло-гитары...

До армии Максим Веденеев участвовал в школьном вокально-инструментальном ансамбле под названием «Серпантин» и на одном из городских смотров патриотической песни даже был признан лучшим гитаристом среди школьных ВИА. Сейчас, после восьми месяцев службы, ему и не верилось, что когда-то он держал гитару в своих огрубевших, потрескавшихся от грязи и ветра руках и тем более извлекал из нее какие-то звуки. А еще не верилось в то, что где-то там есть совершенно другая, наполненная радостью, блаженным отдыхом на мягких перинах, красивыми загорелыми девчонками и разноцветными дискотеками жизнь. Порой начинало казаться, что в мире нет ничего, кроме хронической измотанности, войны, опустошающих душу тупых караулов и улетающих в никуда цинковых гробов.

Как же все это выдержать и пережить? Есть же, наверное, какой-то рецепт уменьшения страданий. Ведь кто-то же может терпеливо переносить тяжелые жизненные испытания, даже не пикнув. Вот, например, Горохов – плюет на все. Он никого не боится: ни дембелей, ни офицеров, ни душманов... В горах он не стонет, в карауле по зайцам стреляет, с гауптвахты не вылезает, и все время рот до ушей. Может быть, потому что он сирота и в его груди бьется ожесточенное детдомовское сердце?

Или Кирилл Сабуров, он хоть и не улыбается, но по его железному лицу можно легко прочитать – «ну что, жизнь, и это все твои испытания?»

«Ладно, не ной, – сказал себе Максим и мечтательно расслабился. – Неужели и я когда-то стану «дедушкой» Советской Армии?! Всю получку буду себе оставлять, в караулах расслабляться, курить чарс, шнурам маклухи отвешивать...».

«А куда же я денусь», – тут же успокоил он себя. Время все равно ведь идет, только уж очень медленно как-то, совсем, можно сказать, не торопится. Почему, когда человеку тяжело – оно вдруг предательски застывает? И наоборот, только ты, казалось, обрел себе покой и счастье, как твое время уже и закончилось. Мгновенно причем как-то, словно издеваясь. Даже и насладиться толком не успеешь радостью, как опять ей на смену придут мучительно долгие, пропитанные муками дни и ночи, а время опять замедлит свой бег, словно говоря: давай приятель, страдай не спеша, торопиться нам с тобой некуда. Так недолго и секрет вечной жизни открыть. Все очень просто: наполни каждую секунду своего бытия адскими и невероятными мучениями – и вскоре ты устанешь ждать конца своей бесконечной жизни.

...Скрипнув, отворилась дверь столовой, и в коридор, потягиваясь, вышел младший сержант Чайка. Поставив возле дверей два двенадцатилитровых армейских термоса, он свистнул в сторону маячившего в дверях Максима:

– Веденеев, дуй за завтраком.

– Слушаюсь, товарищ командарм, и повинуюсь.

Максим схватил бачки и, растолкав по дороге блаженно спящего белоруса, весело насвистывая «Расплескалась синева по погонам», отправился за пищей. День, похоже, задался!

Так, во всяком случае, казалось весело бегущему и размахивающему бачками парню.

Сдав караул второму батальону, первая рота отдыхала в месте своего расположения, дожидаясь построения на ужин. Расположение роты – это четыре стоящие в первом ряду большие зеленые армейские палатки, по одному взводу в каждой. Максим с друзьями сидели на деревянной лавочке у входа в одну из них и с интересом разглядывали важно проплывавшую мимо начальницу офицерской столовой – вольнонаемную Екатерину Оскольскую. Катя, так называли ее в бригаде, была очень привлекательной, пышнотелой шатенкой с высокой прической и неизменной улыбкой на алых, очень эротичных губах. По слухам, являясь любовницей одного из отцов-командиров, тридцатилетняя Катя тем не менее с удовольствием дарила бесплатные улыбки всем окружающим ее голодным и молодым волчатам.

На ходу раздевая глазами проходящую совсем близко женщину, друзья немедленно прервали обсуждение некомсомольского поведения в карауле рядового Горохова.

Видеть Катю живую удавалось нечасто, поэтому все с удовольствием наслаждались редким в Афганистане зрелищем – живой русской женщине. Тянувшийся за ней шлейф обалденных импортных духов с легкостью уносил израненные ребячьи души в другую, уже почти затертую войной жизнь, словно на мгновение открывая им волшебный портал в страну, где исполняются самые заветные желания. Первым пришел в себя «железный» Кирилл.

– Да-а-а!!! – громко выдохнул он. – Вот это зад! А? Че скажешь, Бульба? – игриво толкнул он плечом сидящего рядом, неожиданно оживившегося Гарбуля.

Тот возражать не стал и, умышленно придав голосу белорусский акцент, заметил:

– Ешчо пару раз мимо нас проплывэ, и можна будэ па новой в караул заступаты. Усталость как рукой... Сымпатычшная дуже! – оживился Гарбуль и так же игриво толкнул плечом сидевшего с краю Максима: – Не правда ль, друже?

– Правда, – придавая голосу наигранно равнодушный оттенок, согласился Максим, – но только учитывая то обстоятельство, что она одна на две тысячи сексуальных пистолетов, никого, кроме нее, не видящих месяцами. – Он усмехнулся, пытаясь мысленно сравнить Катю со своей Маринкой, образ которой в последнее время являлся еженощно.

– Ты хочешь сказать, что Катя так себе? – удивленно вскинул выгоревшие брови белорус. – Ну, уж не криви душой, братуха, зыркал ты на нее с глибо-о-ким интересом, – делая ударение на «о», протянул Алексей.

– А на кого еще тут зыркать? На тебя, что ли, или, может, на Чайку? – кивнул Максим в сторону показавшегося на горизонте «ветерана». – Уж по сравнению с вами Катя действительно Софи Лорен.

– Мне тоже кажется, что Катя суперстар, а ты, Макс, просто выеживаешься, – вмешался в разговор Кирилл. – Можно подумать, если бы она сейчас подошла к тебе и сказала, ... – тут Кирилл выпятил обветренные губы и фальцетом пролепетал: – «Ну-ка, дорогой Максюша, загляни ко мне после отбоя на огонек, поболтаем за жизнь, чайком побалуемся», – то ты бы ей ответил: «Извини, дорогая, но после отбоя солдаты должны спать, и не видать тебе рядового Веденева, как своих красивых ушей».

Леха с Кириллом залились дружным смехом, а Максим, распаяясь, принялся объяснять:

– Вот вы, балбесы, ржете как жеребцы, а что я вам сказать хотел, так и не поняли. Если бы она меня позвала, то я бы и секунды здесь с вами не сидел, но не потому, что Катя суперстар, а потому, что выбора у меня нет. Вот если бы ее поставить в ряд с другими девчонками, которых я знал до службы, то тогда я не уверен, что она займет первое место. Вот о чем я, а вы, остолопы, сразу ржать, – почему-то разозлился на друзей Максим.

– Ты чего кипятишься? – перестав смеяться, похлопал друга по плечу Гарбуль. – Мы ведь так, смеха ради. А если серьезно, то лично мне сейчас не до Кати. До кровати бы доползти после отбоя, и то хорошо. А о чем ты говоришь, я прекрасно понимаю. Когда я в университете на первом курсе учился, нам препод по зарубежке рассказывал про английских моряков дальнего плавания, которые месяцами в море без заходов в порты болтались. Ну так вот, этих моряков по возвращении на берег даже свидетелями в суд не допускали некоторое время, считая их недееспособными, и при необходимости прощали им мелкие административные нарушения. Полгода им давали на адаптацию к обычной жизни. Так вот, мы вроде тех моряков от обычной житухи напрочь оторваны. Нам Бабу-ягу покажи, так и та за Василису Прекрасную сойдет.

– А нам после дембеля сколько дадут на адаптацию к жизни? – почесывая затылок, прервал друга Кирилл.

Скрутив из трех пальцев комбинацию, Леха молча показал ее другу.

– Негусто, – вздохнул Кирилл и добавил: – А я, когда домой приду, наверняка разбушлачусь по полной программе и в итоге разорюсь на штрафах или из милиции не вылезу. Погулять ведь мы совсем «не любим». И неужели, мужики, нам никто скидки не сделает, что мы в Афганистане два года парились?

– У нас не Англия, – подытожил Леха и кивнул в сторону приближающегося младшего сержанта Чайки. – Гляди, «ветеран» наш идет. Похоже, по нашу душу, опять щас припахает, птаха пернатая, – раздраженно сплюнул он на землю.

– Всем шнурам строиться! – с добродушной усмешкой шутливо скомандовал младший сержант, деловито подойдя ко взводной палатке. – По какому поводу балдеете? Или заняться вам нечем?

– Да сколько же можно чем-то заниматься! – раздраженно возмутился Максим. – После караула еще не отошли толком, а завтра на войну, сухпай получить надо, РД собрать, оружие получить... Отдыхать-то когда?

А про себя подумал: «Ну откуда же ты взялся на нашу голову, хрен бесчувственный? Сам же был шнуром, понимаешь ведь, как мы измотаны, пожалел бы хоть немного...».

Но ошибался Максим в Егоре, не видел он его настоящего лица, глубоко скрытого за черствой «ветеранской» маской. Если бы он мог хоть на секунду заглянуть в душу к этому с виду равнодушному к чужому страданию девятнадцатилетнему воину, то, к немалому своему удивлению, Максим обнаружил бы там полное искреннего сочувствия сердце. Никто из ребят и представить не мог, какими усилиями дается Егору роль строгого «ветерана» ДШБ. Ведь совсем еще недавно он и сам был необстрелянным шнуром, замученным бессонницей и моральным давлением «небожителей». И поэтому внутренние терзания нынешних салаг ему были знакомы не по захватывающим книжкам отмазанных от армии авторов.

Но деваться Егору было некуда. Жесткие, передающиеся из уста в уста неписанные десантные законы не давали ему права на внешнее проявление своего сострадания. Строгая солдатская иерархия требовала от него только одного – жесткого прессинга в отношении молодежи.

Салагам нельзя давать расслабляться. История бригады знала случаи шнуровских бунтов, когда доведенные до морального иступления молодые солдаты, чувствуя слабинку верховной власти, поднимали свои потрескавшиеся, покрытые мозолями руки на, страшно даже сказать, – на самих дембелей! Поэтому нельзя давать молодым много свободы, меньше у них тогда будет вольных мыслей в голове. «Вот когда я стану дембелем, – думал про себя Егор, – а вы «ветеранами», вот тогда будет все по-другому, потерпите немного...».

– ... Когда отдыхать-то? – повторил свой риторический вопрос Максим.

– А ты зачем мне жалуешься? Я тебе не начпо, иди ему поплачься; может, в хлеборезку тебя переведет, – обнажив белые зубы, улыбнулся Чайка и, выдержав загадочную паузу, тихо добавил: – Или в музыканты.

– Ты это о чем? – удивленно переглянувшись с ребятами, спросил Максим.

– А ты вроде как не понимаешь? – пытливо сузил свои глаза младший сержант.

Максим, оторопев от внезапного жизненного виража, на несколько секунд задумался: «Во дает! Он что, мысли мои утренние прочитал?»

– Ты, Егор, что-то хочешь мне сказать, наверное? – интуитивно чувствуя в Чайке благовестника, осторожно спросил он.

– Сейчас начальника политотдела встретил в штабе, тебе велено после ужина явиться в клуб, к командиру музыкального взвода капитану Сверчкову, – пытаюсь придать своему тонкому голосу официальный оттенок, сказал младший сержант.

Кирилл изумленно присвистнул от этого сообщения, а Алексей округлил впавшие глаза и посмотрел на Максима так, словно у него в одночасье выросли рога.

– Ни фиги себе! Значит, в музвзвод решил слинять?! – удивленно сглотнув, произнес белорус. – А чего молчал-то?

– Хочешь – верь, хочешь – нет, первый раз об этом вместе с тобой услышал, – растерянно пролепетал Максим и покраснел, а покраснел потому, что солгал. Откуда «дует ветер», он знал. В памяти всплыл двухмесячной давности разговор с начальником политотдела бригады.

Они тогда только прилетели в Афганистан и находились в учебном центре, расположенном в окрестностях горы под названием Снайпер. Здесь молодые солдаты должны были в течение нескольких недель привыкнуть к своеобразному климату высокогорья, разреженному воздуху, показать, кто на что способен в боевой и физической подготовке, а после этого рассосаться по различным подразделениям бригады. Самых выносливых и крепких – в разведку, остальных кого куда. Были в бригаде и танкисты, были и артиллеристы, были просто стрелки, а еще минометчики, пулеметчики, гранатометчики, самоходчики, реактивщики, зенитчики, снайперы, химики, связисты, саперы, механики, операторы-наводчики, санинструкторы, взвод материального и десантного обеспечения, ремонтники, киномеханики, писари-комендачи, банщики, повара, хлеборезы и даже пожарные, обслуживавшие единственную на всю часть красную, как положено, пожарную машину. Был еще и музыкальный взвод.

Два раза в неделю в учебный центр приезжал начальник политического отдела бригады, маленький холеный подполковник с животиком и маникюром, и, поочередно вызывая в отведенную специально для него палатку молодых бойцов, беседовал с ними на разные темы, как говорится, «за жизнь». «Как служба, сынок? Как кормят? Что родителям на родину пишешь? В каком подразделении хотел бы служить? Если дембеля будут обижать, сразу ко мне на доклад (в смысле «стучать»)!»

Когда пришла очередь Максима отвечать на дежурные вопросы политработника, неожиданно выяснилось, что подполковник – его земляк, с Урала, давно на Родине не был, все служба, будь она неладна... «Как там дома, сынок?» Вспомнив родные места – тайгу, охоту, кедры и рыбалку, подполковник по-отечески похлопал парня по плечу и, моргая повлажневшими глазами, спросил:

– Служить где хотел бы, Максим? – И, не дожидаясь ответа, решительно заявил: – Думаю, надо найти тебе местечко потеплее. До армии ты чем занимался?

Выяснив, что Максим не художник и не медик, а в штабе и столовой служить не хочет, подполковник задумался.

– Что ж тебе предложить-то? – И без особой надежды спросил: – А с музыкой-то у тебя как?

Максим хлопнул себя по лбу и рассказал подполковнику про свое музыкальное прошлое. Тот что-то пометил у себя в блокноте и сказал:

– Музыкальный взвод бригады – это наша гордость. На всю 40-ю армию лучший. Даже по центральному телевидению его показывали не раз. На сегодняшний день там комплект, но через пару месяцев треть взвода уходит на дембель, так что у тебя будет шанс там закрепиться, если твои музыкальные способности, конечно, устроят капитана Сверчкова. А пока послужишь в роте, пороку, как говорится, немного понюхаешь, так надо....

Попав в роту и в первый же вечер получив приличную маклуху от дембеля по прозвищу Фан, Максим враз забыл и про оркестр, и про земляка начпо. В роте все как-то сразу закрутилось, завертелось – колонны, горы, обстрелы, облеты, зеленка, так что про музыку впервые за долгие месяцы Максим вспомнил сегодня утром в карауле, завистливо поглядывая на ухоженного бригадного горниста, уверенно шагающего по афганской земле.

Сейчас, растерянно глядя на удивленных друзей и на Чайку, Максим понял – утром ему был знак свыше. Сегодня его шнуровские мучения кончатся. Ну, подполковник, вот человек! Сдержал свое слово, не забыл про скромного земляка Веденева. Ура!

В солдатской столовой, напоминающей огромный овальный ангар, к большому деревянному столу, где ужинали «молодые», подошел жилистый дембель по прозвищу Фан и, глядя на Максима своими бесцветными глазами, хриплым голосом проговорил:

– Слышь, музыкант... – После этих слов он картинно сплюнул через отсутствующий передний зуб на пол, растер плевок начищенным до блеска ботинком и закончил фразу: – После ужина подгребешь ко мне, разговор есть.

Затем Фан, развернувшись через левое плечо и не сильно спеша, направился к выходу из столовой, методично накручивая на указательный палец свой черный кожаный ремень.

Уже узнали! Максим со злости бросил ложку в котелок и, обхватив голову руками, задумался.

«Ну что они мне сделают? Отдубасят на прощание? Прокачают? Маклух отвешают? Ну и бог с ними. Завтра батальон уйдет в горы, а я останусь в музыкальном взводе. Хватит, навоевался. Начпо от войны меня освободит, это в его власти. Дальше буду служить, как белый человек, с гитарой в руках. Пусть Фан с Бригом по горам ползают, уроды».

Максим зло улыбнулся в адрес невидимых дембелей, которым завтра предстояло идти воевать, и внутренне успокоился.

Взяв в руки ложку и пододвинув к себе котелок, он машинально принялся за картофельное пюре и консервированную камбалу в томате. Когда ложка застучала по дну котелка, Максим взял подкотельник и отхлебнул остывшего, отдающего хлоркой чая, затем поднял голову. Его глаза столкнулись с жестким взглядом Кирилла.

«Черт! Ребята!»

Действительно, в нахлынувшей на Максима радостной эйфории он совсем забыл про друзей, которым не случилось до армии научиться музыке.

«Наверное, в их глазах мой поступок будет выглядеть некрасиво. Ну и ладно. Зато впереди новая жизнь, ночи, полные сна и покоя, репетиции, гастроли по Афгану... Боже, как я соскучился по репетициям! Как хочется играть на электрогитаре!.. Интересно, какая у них тут аппаратура? Усилитель, наверное, серьезный, и синтезатор наверняка есть. Вот кайф-то! Спасибо земляку подполковнику, век не забуду... А Чайка пусть парится в караулах, птаха пернатая». Обычно так сержанта Чайку называл Гарбуль.

Максим осторожно посмотрел на край стола и увидел тупо жующего камбалу белоруса. Осунувшееся от недосыпания лицо, обтягивающая острые скулы тонкая серая кожа, ввалившиеся в глубину лица глаза и тонкие, как ниточки, губы. Эх, Леха! Сердце у Максима неприятно сжалось. «Без меня ведь ребятам еще труднее будет. Все мои обязанности ротные они между собой разделят и в горах... Так, стоп! Какой-то Вася Пупкин, в ус не дую, служит припеваючи в Московском военном округе, но разве мы можем ставить ему это в вину?»

Каждому свое, вспомнил Максим сказанную древним мудрецом фразу. Он резко встал и, стараясь не глядеть на друзей, быстро вышел из столовой.

На улице было уже темно. Ночь в Афганистане наступает быстро, не церемонясь. Чистое и близкое небо, словно звездное покрывало, накрыло Максима черным бархатом. Огромных размеров плоская луна висела над ним, словно аппетитный светящийся омлет, освобожденный от раскаленной сковородки и неизвестно как прилипший к небесам. Внутри было легко и весело. Человеку всегда легко и весело в конце мучений и в преддверии новой, интересной жизни.

Помыв в умывальнике котелок, Максим уверенно направился к темному силуэту своей палатки. У входа он остановился и прислушался. В палатке слышались знакомые голоса – хриплый бубнеж Фана и грубоватый дембельский бас башкира по прозвищу Бриг. «Была – не была, не убьют ведь», – подбодрил себя Максим и, открыв дощатую дверь, шагнул внутрь, словно к тигру в пасть.

В пустой палатке – рота еще не вернулась с ужина, находилось трое солдат. Грозный Фан, по-турецки сложив босые ноги, сидел на кровати возле открытого РД и размышлял над тем, как в небольшой рюкзачок уместить увесистый боекомплект и сухой паек на три дня. Бриг, сидя на соседней кровати, колдовал над разложенным по частям на тумбочке радио-

приемником. Младший сержант Чайка, сидя в проходе между кроватями, пытался раздуть огонь в непослушной буржуйке.

Максим осторожно подошел к кровати Фана и в ожидании неприятного разговора робко остановился. Все отложили свои дела и с интересом уставились на вошедшего «музыканта». Первым, как и положено по иерархии, с укоризной в словах заговорил Чайка:

– Вы что, шнуры, службу совсем завалили? Печка потухла, народ замерзает, а я должен за вас отдуваться? – Он встал с табуретки, освобождая занятый пост, и кивнул головой в сторону заснувшей чугунки. – Давай, Веденеич, работай!

– Тихо, Чайка, не суетись, – обмораживающим душу шепотом прохрипел Фан и жестом пригласил Максима сесть напротив. Чайка удивленно пожал плечами и молча продолжил растопку.

Напротив Фана была кровать Брига. Парень неуверенно замялся. Сидеть на дембельской кровати без разрешения хозяина было не принято.

– Садись, братка, садись, – на удивление радушно пробасил огромный Бриг и рукой указал на свободный край. Миролюбивое настроение обычно сурового башкира внушало призрачный оптимизм.

Максим осторожно сел и немного расслабился, а Фан тем временем, как ни в чем не бывало мурлыкая под нос незатейливый мотивчик, продолжал свои походные сборы. Как-то странно он себя ведет, подумал Веденеич. Он ждал всего, чего угодно: упреков, издевок, подколов, обвинений в предательстве роты, но, похоже, никто не собирался его третировать, даже от растопки освободили. Невиданное зрелище, ветеран топит печку, а шнур сидит в компании дембелей. «Не нравится мне это все», – настороженно подумал молодой солдат.

В углу у стены, сразу за койкой Фана, стояла идеально заправленная кровать с голубым десантным беретом, тремя фото и траурной лентой поперек. На этой кровати уже месяц никто не спал, в память о трех погибших минометчиках первой роты. «Духовский» реактивный снаряд упал точно в только что отрытый минометным расчетом окоп. Там было трое ребят: Саша Голец, Володя Бурчак и Саид Тобергенов. Володя и Саид – одноклассники Максима. С Саидом Максим даже был в одной учебке. Голец был дембелем и замкомвзвода, лучший друг Фана. Все трое умерли мгновенно, растерзанные в клочья огромными осколками....

Пока Фан заканчивал собирать свой рюкзак, Максим сидел и как завороченный смотрел на веселые лица героически погибших ребят. Было в них нечто неуловимо новое, не замеченное им раньше, словно они хотели что-то сказать ему, напомнить о себе....

В памяти неожиданно всплыл лежащий с закинутыми за голову руками Голец (это была его кровать) и Володя Бурчак, сидящий рядом на табурете и играющий для него на баяне украинские песни. Володя был Сашиним любимчиком и земляком. Никто из дембелей, кроме него, не смел тронуть Бурчака. Голец опекал Володю как старший брат, помогая поскорее «врубиться в службу». Их часто можно было видеть вместе, весело болтающих о всякой гражданской ерунде. Вместе они и погибли....

Фан отложил снаряженный под завязку рюкзак и, поймав стеклянный взгляд Максима, тихо просипел:

– Ты знал, что Бурчак до армии музыкальную школу по баяну закончил?

– Нет, я думал, он самоучка, – пролепетал оглушенный новостью Максим.

– Я помогал ротному письмо родителям сочинять после их гибели, – Фан мотнул головой в сторону фотографий. С этими словами дембель засунул потяжелевший РД под кровать и достал из тумбочки жесткую пачку «Явы», – сам в личном деле прочитал, вот так-то.

Фан закурил и протянул пачку сидящему напротив Максиму. Тот неуверенно взял сигарету и посмотрел на сидящего рядом Брига. Курящий в палатке шнур – это почти камикадзе.

– ???

– Кури, братка, можно, – весело подмигнул башкир и уткнулся своим скуластым лицом в окончательно разобранный транзистор.

Фан чиркнул спичкой и, пока Максим раскуривал сигарету, задал убийственный вопрос:

– Вот скажи мне, Веденеев, если бы Володе предложили вместо настоящей службы пиликать на гармошке в бригадном клубе, он бы согласился?

Максим подавился дымом и зашелся громким кашлем. «Вот они к чему весь этот спектакль устроили! На совесть давят, не хотят, чтобы я уходил. И Володю, светлая ему память, для этого вспомнили». Конечно, чем больше молодых в роте, тем дембелям спокойней. Их интерес понятен. Но почему так стало неприятно и стыдно после хриловатых дембельских слов? Словно какую-то неизвестную до этого внутреннюю кнопку обнаружил Фан внутри Максима и, нажав ее, запустил неприятный механизм активации души. Почему вдруг стало так неуютно и муторно внутри? Я ведь никому ничего не должен, кто-то погибает в горах, кто-то занимается музыкой. И никому не приходило в голову обвинять Шостаковича в том, что он вместо того, чтобы идти на фронт, писал свою знаменитую седьмую симфонию! Черт побери, но все равно как-то не по себе....

– Не знаю, – неуверенно промямлил, отведя глаза, Максим, – может быть, и согласился бы.

– Врешь, – сквозь зубы жестко не сказал, а выстрелил Фан, было видно, как он завелся, – ты знаешь наверняка, Бурчак никогда в жизни бы не отказался от войны и друзей, потому что он был мужиком и настоящим десантом.

Выдержав паузу, сопровождавшуюся крепкой затяжкой, Фан указал Максиму на выход и хрипло выдохнул:

– Я все сказал. Теперь вали в клуб, за тобой уже приходили.

Оглушенный странным разговором, Максим растерянно вышел на улицу и медленно выпустил из легких воздух.

«Тьфу! Куда же делось настроение? Так ведь хорошо было на душе еще полчаса назад, а теперь? Словно кто-то невидимый выкрасил меня изнутри черной краской, замазав напрочь необычайный духовный подъем.... Духовный ли? Но ничего ведь не изменилось, или.....»

Самое неприятное – это врать самому себе. Другим проще, ведь они не догадываются, что их обманывают. Но себе лгать невозможно, потому что в этом случае ты и преступник, и потерпевший в одном лице. Обманывать себя – значит обрекать на муки совести, если, конечно, она есть в наличии. С совестью у Максима было в порядке, потому-то и стоял он, как вкопанный, рядом с родной палаткой, не смея взглянуть в сторону клуба, до которого было метров сто от силы. Всего сто метров отделяло его от новой, интересной и светлой жизни. Жизни без мучений и смертельных испытаний, жизни, наполненной новыми красками и мелодией радости. Но чтобы войти в эту жизнь, надо было отказаться от друзей, верных и преданных товарищей, не раз деливших с ним последний глоток воды, последнюю сигарету, последние силы....

Максим вдруг очень отчетливо понял – это была его плата. Друзьями он рассчитывался за сытый уют и покой обретаемого беспечного бытия. А еще ему открылось одно простое правило: за все получаемые послабления в нашей нелегкой жизни приходится платить. И никому еще не удавалось скрыться от невидимого кредитора, рано или поздно долг с тебя все равно получат.

Обессиленный раздиравшими его противоречиями, Максим безвольно опустился на вкопанную рядом с палаткой скамейку. Еще совсем недавно рядом с ним, вот на этой самой ободранной лавке сидели его верные боевые друзья. Будут ли они сидеть с ним рядом завтра, когда измотанные и усталые вернутся с войны, а чистенький музыкант Веденеев встретит

их лощеной улыбкой на гладко выбритой физиономии? Вряд ли, потому что между ними будет огромная, непреодолимая пропасть.

Невообразимая сумятица творилась в душе совсем юного парня. Еще полчаса назад безумно обрадовавшая его перспектива перевода в музвзвод теперь казалась страшным предательством и несмыслаемым до конца дней позором. От бессонной ночи и навалившейся на него необходимости немедленно сделать жесткий и окончательный выбор ему стало дурно. Родившаяся где-то в глубине тела мутная тошнота неумолимо устремилась наружу.

Максим резко вскочил со скамейки и еле успел проскочить в узкий проход между палатками.

Он сидел на корточках, скрытый от окружающего его мира густой афганской темнотой и, закрыв глаза, слушал, как вернувшаяся с ужина рота шумно расползается по палаткам в ожидании построения на вечернюю поверку.

Все его нутро наполнила скверная, не предвещавшая наполнения пустота. Совсем недавно переполнявшая его беспредельная радость освобождения от тяжких испытаний теперь казалась позорной, требующей всеобщего осуждения перспективой. Как быть? Зачеркнуть свои муки и начать новую, довольно-таки сладкую жизнь, но лишиться верных боевых товарищей, или выбрать друзей и продлить свои наполненные смертельным риском страдания? Максим прислонился затылком к потрепанному ветрами пыльному палаточному брезенту и, закрыв глаза, на мгновение забылся.

Вдруг он четко увидел лицо Володи Бурчака, весело улыбающегося ему с портрета. «Ты знаешь наверняка, Володя никогда в жизни не отказался бы от войны и друзей», – словно комментируя всплывший в памяти образ, застучали в голове хриплые слова Фана.

И тут Веденеев неожиданно понял, что его мучает и не дает спокойно встать и весело зашагать в сторону клуба. Соблазнившись сладкой жизнью, он почти готов был предать, да-да, именно предать – он уже не боялся этого страшного слова, своих живых друзей. Но растоптать память погибших было выше его сил.

Переступив порог бригадного клуба, он подведет жирную черту, сжигающую мост в мир настоящих мужчин, рожденных для чистой дружбы и лихой отваги. Мир, наполненный приятной свежестью вороненого металла, завораживающим ревом БТРов и понятными целями. Мир, пьянящий азартом боя и сладким запахом тяжелой победы. «Ведь все это никогда больше в моей жизни не повторится!!!»

И в этот момент Максим принял тяжелое, выстраданное решение, впервые за восемнадцать лет своей недолгой жизни разрешив совсем не детскую задачу. Сердце бешено колотилось в груди. С Максима словно сняли розовые очки, и перед ним открылся весь ужас чуть было не совершенного поступка.

«В музыканты собрался! Гитарист хренов, – бранил он себя на чем свет стоит, – еще и отмазки себе шикарные придумал. Шостакович, мол, в холодном Ленинграде симфонию создавал и не ставил перед собой никакого выбора... Да потому-то он ее и писал, что твердо знал: его музыка для общей победы сделает больше, чем дивизия таких, как он, не обученных войне композиторов. Сильно он помог бы Советской Армии, если бы пал смертью храбрых в первом же бою под гусеницами немецкого танка!

А мое дело – это все-таки десантно-штурмовая рота, как бы тяжело мне в ней ни было. Может быть, это то, ради чего и рождаются на свет мужчины, и без этого они не становятся настоящими. Гитара – не более чем хобби, и прятаться на войне за музыкальный инструмент по меньшей мере стыдно. Во всяком случае, для десантника.

Я ведь с детства мечтал стать десантником, а не музыкантом!»

В начале восьмидесятых, когда на экраны страны вышел фильм «В зоне особого внимания», Максим заболел воздушно-десантными войсками. Картина повествовала о мужестве и доблести советских десантников, элиты вооруженных сил. Этот фильм шел в цен-

тральном кинотеатре Свердловска ровно неделю. Веденеев просмотрел эту картину шесть раз, и каждый просмотр был поступком.

Он учился во вторую смену, приходилось вставать в семь утра и ехать в промерзшем, дребезжащем в темноте трамвае через весь мегаполис на первый девятичасовой сеанс. После фильма он ехал обратно в школу, но все равно опаздывал на первый урок. А вечером, ложась спать, вновь заводил будильник на семь и засыпал с единственной мыслью: завтра я вновь увижу на экране своих любимых героев, бесстрашно шагающих в голубую бездну «наполнять синевой парашюты». Тогда-то он и проникся небом, а по ночам ему стал сниться голубой берет, тельняшка и ослепительно белый, парящий над головой купол.

Максим твердо для себя решил: десанником стану во что бы то ни стало. Собрав свою волю в кулак, он упорно шел к поставленной цели. Для реализации задуманного сделал все: усиленно занимался спортом, перечитал все имеющиеся в городской библиотеке книги об истории воздушно-десантных войск, а в десятом классе записался в аэроклуб при ДОСААФ и шестьдесят раз прыгнул с парашютом. Он добился своего, но сегодня чуть было не предал мечту. «Нет, музыка – не мое призвание, пусть в музвзвод идет кто-нибудь другой», – выбор его был окончательным.

Но если бы кто-то невидимый этой лунной афганской ночью шепнул Максиму на ухо, чем ему вскоре придется заплатить за свой выбор, то, скорее всего, он бы сейчас же поднялся и, невзирая на муки совести, быстренько зашагал в сторону клуба. Но вся интрига нашей странной жизни в том и заключается, что всегда есть промежуток между поступками и их последствиями, и называется он «время»....

Первая рота повзводно стояла на передней линейке батальона перед своим командиром и производила вечернюю поверку. Качавшаяся на деревянном столбе одинокая лампочка скудно освещала ежившихся от ветра парней.

– ... Чайка.

– Я!

– Магомедов.

– Я!

– Горохов.

– На губе он, товарищ капитан, – отчитался за своего проштрафившегося подчиненного замкомвзвода Фан.

– Понятно. На войну, значит, без Горохова завтра пойдем, жаль, – покачал головой ротный и что-то отметил в своей тетрадке. – Сабуров.

– Я!

Гарбуль.

– Я!

– Веденеев.

Не услышав привычного «я», командир оторвал взгляд от ротного списка и, мрачно оглядев своих солдат, громче обычного повторил:

– Веденеев?!

Тишина в ответ.

– Где Веденеев, екарный бабай, что еще за фокусы? Фандюшин, где твои люди, что происходит? – обрушил ротный свой гнев на Фана.

– По приказу начальника политического отдела бригады рядового Веденеева перевели в музыкальный взвод, товарищ капитан, – хрипло чеканя каждое слово, по-уставному доложил старший сержант Фандюшин. И с ухмылкой добавил: – Там ему будет сладко и тепло.

– Какой еще музыкальный взвод, что за хрень ты несешь? Мне с кем на войну завтра идти? – уже ревел на Фана взбешенный ротный, словно дембель был виноват в солдатском

некомплекте. – Один на губу, другой в медроту, третий в музыканты... Ростропович хренов! А задачу в горах кто будет выполнять? Пушкин? – Ротный, продолжая брызгать гневной слюной, подошел к Фану и ткнул ему пальцем в грудь. – Отвечай мне, Фандюшин, почему твои шнуры бегут из роты, как тараканы?

– Скорее уж как крысы, – спокойно глядя в лицо командиру своими бесцветными глазами, ответил Фан. И хриплым шепотом добавил: – Не волнуйся, ротный, выполним мы эту гребаную задачу. Поднатужиться, конечно, придется, но, я думаю, справимся, не впервой.

– Поднатужиться, – успокаиваясь, передразнил Фана ротный, – напрягаться будете, как слоны в брачный период. За двоих, а то и за троих... И с вас, дембелей, – ротный грозно окинул взглядом последние шеренги, где обычно стояли старослужащие, – спрос особый. В ваших руках все, и мое, и ваше... Я доходчиво изъясняюсь?

– Не подведем, ротный... Да что мы, первый раз на войну идем?... Мы свое дело знаем... Порвем «духов», как «тузик» грелку... – раздавались из последних линий бодрые голоса двадцатилетних «стариков», внушающих командиру необходимую для него уверенность в своих бойцах.

– Ну, ладно, рейнджеры вы мои, – успокоившись, по-отцовски ухмыльнулся в усы командир, – продолжим...

Закончив переключку, капитан скомандовал: «Рота, отбой!» – и направился в сторону штаба на оперативное совещание. Солдаты неторопливо разбредались по своим палаткам. Несмотря на приятную команду «отбой», спать, похоже, никто не собирался; во всяком случае, шнуры уж точно. Рано утром в горы! И кто его знает, сколько там придется просидеть – может быть, неделю, а может, и месяц, это как пойдет. Поэтому собираться надо основательно: проверить и подогнать горное обмундирование, обувь, умудриться в маленький РД запихнуть сухой паек на три дня и боеприпасы, а еще подвязать к нему подбушлатник и по две 82-миллиметровые мины в помощь минометному расчету, которому и так достается. Трое ребят тащат на себе в горы тело миномета, двуногу, а самому крепкому парню достается тяжеленная железная плита, ну и плюс все остальное в виде автомата и пайка в придачу. Самым крепким был молчаливый чуваш Дема. Он эту чудовищную плиту в горы и таскал. Его невероятно мускулистые руки и квадратная, крепко посаженная на мощные плечи голова выдавали в нем бывшего штангиста, но по неизвестным обстоятельствам он свое спортивное прошлое тщательно скрывал.

К полуночи, закончив с упаковкой своего выдавшего вида десантного рюкзака, Алексей Гарбуль, зевая, толкнул в бок сидевшего с ним рядом на кровати Дему:

– Как насчет покурить?

– Ты, эта, угостить желаешь или угоститься? – не поднимая головы, пробасил Дема, безуспешно пытаясь просунуть толстую суровую нитку в ушко большой и ржавой иглы. В его огромных ладошках иголка казалась тонким волоском, а нитки вообще не было видно.

– У меня-то откуда? – округлил глаза Гарбуль. – Давай-давай, не жмись, я ведь знаю, что у тебя всегда запас имеется, – ласково похлопал Дему по плечу белорус.

– А в горах чего курить будем? Там магазинов нету, каждая сигарка там по-другому стоит. Поди, потерпишь.

– Вот жмот, – попытался разозлиться на товарища Алексей и уже собирался было подразнить Дему на предмет его просторечной манеры говорить, но передумал.

Дема был прав. На войне каждый окурок стоил состояние, особенно в минуты сильного душевного волнения. Совершенно неожиданно в памяти белоруса всплыл полузатертый временем эпизод. В тот день Алексей впервые услышал, как «жужжат» над головой пули. Это в фильмах они «свистят», а в жизни «жужжат», неприятно так, сердито...

Он лежал в отрытом на обочине бетонки окопе и для порядка обстреливал из автомата начинающуюся в ста метрах от дороги Баракинскую зеленку. Сзади громыхла колонна:

«Уралы», наливники с горючим, «КамАЗы» с углем и продовольствием; огромные, как динозавры, «МАЗы» с боевыми машинами на платформах медленно ползли в сторону Гардеза. Стоявшая правее от Алексея БМП второго батальона, развернув свою автоматическую пушку, методично косила деревья в «духовской» зеленке. «Красиво работает!» – восхитился белорус стрельбой оператора-наводчика. Стрелок, наполовину высунувшись из люка боевой машины, вел высококлассную стрельбу, производя невидимые белорусу манипуляции внутри башни, мгновенно разворачивая ее вместе с тридцатимиллиметровой пушкой то вправо, то влево, умудряясь одновременно поднимать и опускать ствол орудия, меняя дальность и скорость стрельбы.

Невидимые глазу снаряды методично обрабатывали территорию роши метр за метром, ложась то совсем рядом с машиной, то улета в глубь густой зелени. Эх, жаль, что «духов» там не видно, досадовал Гарбуль, жалея так красиво и бесполезно выпущенные снаряды. Прицелившись в стоящий неподалеку разбитый глиняный дувал, Гарбуль смачно всадил в него длинную очередь, так, для поддержания общей какофонии. Когда затвор сухо щелкнул, намекая своему владельцу на отсутствие патронов, белорус отстегнул пустой магазин и засунул его в «лифчик». Патронов больше не было. Боеприпасы были в БТРе, стоявшем на дороге. Быстро поднявшись и подхватив автомат, Алексей перебежками кинулся к машине... Тот, кто выстрелил ему вдогон, вероятно, целился в голову. Пуля пролетела в сантиметре от черепа белоруса, свинцовой пчелой разрезав воздух. Динамический удар страшной силы потряс Алексея.

Схватившись за голову, он упал на колени и выронил оружие. Что это? Ему показалось, что невидимый великан наотмашь шлепнул его по уху, да так сильно, словно в барабанную перепонку вогнали отвертку и забыли достать. Корчась от боли, он упал на колени и зажмурился, пытаясь переварить пронзившую его боль. Сознание сделало попытку уйти, не выдержав посланных страданий, но мужество отчаянного белоруса приказало ему остаться. Терпи, терпи, парень! Да что же это было? Привыкая к боли, Алексей поднял глаза и увидел, как, лязгая металлическими гусеницами, по бетонке катила бээмпэшка второго батальона, на ходу разворачивая свое скорострельное орудие в сторону заброшенного кишлака. Оператор-наводчик вопросительно махнул Алексею головой: «Ты как?» – «В порядке я, братуха, делай свое дело», – взглядом ответил ему белорус, бессильно падая на бок. «Неужели в меня стреляли?»

Ретроспективно восстанавливая прожитый эпизод, Алексей вспомнил это жуткое «ж-ж-ж-ух» возле уха, и озноб осознанного страха сковал его тело. Он представил, точнее сказать, даже физически ощутил, как «духовская» пуля входит ему в затылок и, разворачивая черепную коробку, вырывается наружу вместе с его симпатичным лицом. Он зажмурился. О Боже!.. Так он и лежал ничком на сухой афганской земле у обочины бетонной дороги. Когда боль притупилась, а страх от осознания только что пролетевшей мимо смерти начал понемногу отпускать, Алексей открыл глаза. Рядом на корточках сидел Дема и протягивал ему дымящуюся сигарету. Свободной рукой – вторую он продолжал прижимать к контуженному уху, Гарбуль взял ее и с жадностью сделал несколько глубоких затяжек. Неожиданная радость расслабления вдруг наполнила его нутро. Боль притупилась, страх рассеялся, а тело стало легким и прозрачным.

– ... Значит, дорогой мой чуваш, ты хочешь сказать, что я должен ложиться спать без дежурной сигареты? – Алексей взял из Деминых лапищ кривую иглу, и, быстро вдев в нее нитку, вернул другу.

– Курить – здоровью вредить, – деловито сказал простодушный Дема, протыкая иглой толстенный материал истрепанного временем десантного рюкзака, – так нас в школе учили.

– Это в чувашских школах так рассказывают, – «серьезно» парировал Гарбуль и тихим голосом добавил: – А в Белоруссии ученики спокойненько «стреляют» сигареты у директора школы и перекуривают на переменах с учителями.

– Ой ёй?! – доверчивый Дема оторвался от шитья и, удивленно округлив раскосые глаза, с интересом посмотрел на товарища.

Не выдержав этого бесхитростного и наивного взгляда, Гарбуль залился беззвучным смехом, наслаждаясь удачным розыгрышем, на что чуваш укоризненно, с родительской степенью покачал головой и спокойно продолжил свое шитье:

– Опять ты, Алеша, надо мной подшутил.

– Сколько раз тебя просил, не называй меня Алешей, – перестав ухмыляться, строго сказал Гарбуль.

– Вот будешь меня подкалывать, буду называть, – спокойно сказал чуваш, перекусывая толстенную нитку. Над неспящими друзьями резко скрипнули старые пружины кровати второго яруса, и показалась недовольно-лохматая, шипящая, как кобра, голова разбуженного их болтовней Кирилла:

– Эй! Алеша Бульбович, заколебал ты уже, наркоман хренов, сам не спишь и другим не даешь. Возьми у меня сигарету в правом кармане и вали из палатки. . . .

Гарбуль радостно вскочил и, ловко обшарив карманы Кирилловых штанов, выудил оттуда мятую пачку нехитрых солдатских сигарет. Осторожно вытащив одну, он положил пачку на место и ласково промурлыкал в сторону накрывшегося с головой друга:

– Вот ты – человек, Кирилл, и настоящий друг. Покосившись на Дему, язвительно добавил: – Не то, что некоторые пионеры Чувашии. Можно, Кирюха, я тебя поцелую?

– Конечно, – одеяло кровати верхнего яруса откинулось, и белорусскому взору открылась добротная уральская попа.

– Тьфу! Эх ты, Кирюха, . . . – только и вымолвил Алексей и, нашарив в карманах спички, бесшумно вышел из палатки.

Ночь была звездной и молчаливо-холодной. На задней линейке первого батальона вдоль закрытых дверей каптерок неторопливо прохаживался часовой. Страдальчески пряча в воротник сильно поношенного несколькими поколениями солдат бушлата, он безнадежно мечтал лишь об одном: чтобы эти два часа, отпущенные ему на вахту, пролетели, словно две минуты.

Поглядев на часового, Алексей поморщился, вспомнив вчерашнюю бессонно-караульную ночь. Прикурив, он сел на скамейку и с удовольствием затянулся, прикидывая в уме, все ли он уложил в свой рюкзак. Если завтра в горах окажется, что он что-то упустил. . . . Нет, об этом лучше не думать. А о чем же тогда думать? Алексей вспомнил отца, и горькая досада вновь колыхнулась в его сердце: «Ну что ему стоило оставить меня служить в Союзе? Полковник Комитета государственной безопасности! Один телефонный звонок – и военный комиссар за честь бы посчитал прогнуться перед отцом. Ан, нет! Папа на принцип пошел. То, что я совершил непоправимую ошибку и виноват по уши, слов нет. Если мой потомок когда-нибудь исполнит нечто подобное, то я не знаю, что с ним сделаю. . . . Но в Афганистан! Засунуть в это пекло родного сына!»

Алексей с болью вспомнил, как рыдала бедная мать, умоляя отца изменить свое решение, но тот был непреклонен. Пойдет служить в Афган, и точка.

«А как хорошо мне жилось!» Глубоко затянувшись, Алексей мечтательно закрыл глаза. . . . Университет, набитый умопомрачительными девчонками, желтое такси, рестораны, полные карманы «капусты». . . . Из-за денег, собственно, и залетел, чтоб им пусто было. Не приносят они счастья, ой не приносят, за обладание ими тоже приходится платить, но уже более серьезными вещами.

Выбросив окурок в стоящее возле скамейки ржавое ведро, Алексей встал и, зевая, потянулся. Он уже собрался было уходить, как неожиданно ему послышалось легкое шуршание между палатками первого и второго взводов. Алексей осторожно заглянул в узкий проход и увидел сидящего на земле и дрожащего от холода Максима. На секунду белорус опешил, точно такую же картину он уже видел.

Несколько месяцев назад, когда они только-только пришли в роту из учебного центра, лейтенант Гладышев построил вновь прибывших солдат у палатки первого взвода и, поднеся к глазам измятый список, громко зачитал четыре фамилии:

– Сабуров.

– Я!

– Гарбуль.

– Я!

– Веденеев.

– Я!

– Горохов.

– Ну, я.

– Шаг вперед, шагом марш!

Названные бойцы, неуверенно поправляя висевшие за их спинами выгоревшие на солнце рюкзаки, вышли из строя.

– Все перечисленные зачисляются в первый взвод первой роты, – сказал, как приговорил, лейтенант и, убрав мятый список во внутренний карман зеленой униформы, добавил: – В палатке доложите о прибытии старшему сержанту Фандюшину, он вас разместит... Удачи, воины, – участливо улыбнулся он, – она наверняка вам понадобится.

Когда лейтенант вместе с нераспределенной по взводам молодежью скрылся из виду, оставшаяся у палатки первого взвода четверка, бросив рюкзаки в пыль, неуверенно закурила, не решаясь начать новую, неизвестно что сулящую им шнуровскую жизнь. Обсуждая будущие перспективы, все сошлись на одном: хлеб-соль за обшарпанной дверью взводной палатки им, скорее всего, не предложат, а медовых пряников – и подавно.

– Я слышал про этого Фандюшина, – как всегда, спокойно, без всякой паники, доложил друзьям Кирилл, – просто зверь, а не дембель. А еще у него друг есть – башкир, тот вообще убийца.

– Да ладно, не пугай, – почесал свою рыжую голову вечно улыбающийся Горохов, – пуганые. Вместе держаться будем дружно и хрен на них положим. Подумаешь, дембеля, один год разница.

– Не скажи, Серега, – задумчиво произнес Гарбуль, – год в Афганистане – это вечность. Не можем мы на них «забить», потому как в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Положено шнурам до года – шуршать, значит, будем шуршать. А вот когда свое отлетаем, тогда и будем права качать, а пока мы бесправные.

– Прав Бульба, – поддержал Гарбуля Максим, – не стоит нам в бутылку лезть. Кто мы такие? Шнуры зеленые, а эти ребята все-таки уже двенадцать месяцев воюют, Афган топчут, «духов» рвут как грелки, награды боевые имеют.

– Как хотите, – сплюнув сквозь зубы, подвел резюме рыжий как огонь Горохов, – я свое мнение высказал. Мне все едино: что «духи», что офицеры, что «эти ребята», я и один могу восстать. Ну что, пошли, что ли? – уже не так уверенно предложил он.

– Пошли....

И они вошли в палатку. Уже через полчаса Максим получил от Фана первую затрещину и, глотая слезы обиды, сидел точно в такой же позе и на этом же самом месте....

– Вот это номер! – удивленно выдохнул Алексей и присел на корточки рядом с другом. – Макс, ты что, с ужина тут сидишь?

Не поднимая головы, Максим утвердительно кивнул.

– Да ты околел весь! На, возьми, – Алексей снял с себя бушлат и накинул его на дрожащие плечи товарища. – Что случилось, Макс? Ты почему не в клубе?

– Леха, скажи честно. Вы меня, наверное, сволочью считаете? – глядя в землю, тихо спросил Максим. И сам себе ответил: – Ну и правильно. Другого я и не заслуживаю.

– Знаешь, Макс, – улыбнувшись, сказал Алексей, – давеча за ужином гляжу я в твои радостные глазенки, а сам думаю: ну не твое это – на гитарке бренчать. Ты же десант от бога, не сможешь ты в муззводе, затоскуешь. Кто тебя окружать там будет? Горнисты слюнястые да чистоплюи манжетные. Как с такими дружить? Не твоя это атмосфера. Знал я, что вернешься ты, чувствовал, ... – Алексей положил руку на плечо Максима. – Никто из нашего призыва тебя не осуждал. Дембеля гундели, конечно, но наши ребята ни одного кривого слова в твой адрес не пропустили. По крайней мере, я не слышал.

– Получается, что ты меня знаешь лучше, чем я сам себя. Я ведь до последнего был уверен, что уйду, – усмехнувшись, сказал Максим, затем добавил: – И ушел бы, если б не Фан.

– Фан? – удивленно переспросил Леха. – Запугал, что ли?

– Ты знаешь, совсем нет, к этому я был готов. Слова нашел для меня неожиданные, – задумчиво произнес Максим, – словно разбудил он во мне что-то. Вот такие дела.

– Да, брат, – сочувственно произнес Алексей, – денек у тебя выдался – врагу не пожелаешь. Ну, да ладно. Пошли в палатку, я помогу тебе собраться. Вот ребята завтра удивятся, проснувшись!

– Спасибо за поддержку, – сказал Максим, медленно поднимаясь на затекших ногах.

– Не стоит, – был ответ.

ПЛАТА

Дела обычные и легкие – для толпы и обыкновенных людей. Люди же редкостные, героические и божественные идут на трудности, чтобы необходимость вынуждена была отступить....

Дж. Бруно

Максим провел указательным пальцем по мокрой от утренней росы броне БТРа, выводя причудливой формы рисунок, похожий на поднятую вверх куриную лапку. «Альгиз», – вспомнил он название руны небесной защиты. В далеком теперь уже детстве ему случайно попала интересная книжка про древних норманнов, отважных воинов, веривших в могучего бога Одина. В бою у каждого из них на шее висел амулет в форме Альгиза, который напрямую связывал их с небом....

Когда десятки боевых машин, одновременно зарывав многосильными моторами, взорвали предрассветную тишину окрестностей, первая парашютно-десантная рота во всем своем боевом составе уже восседала на бронетранспортерах.

Выстроившись в ровную ниточку, колонна, выехав из парка и оставляя за собой густой шлейф сгоравшего в дизелях соляра, направилась в сторону КПП «Восточное». Выехав за пределы расположения бригады, боевые машины с солдатами на броне и в десантных люках неторопливо направилась в сторону восходящего солнца, неторопливо всплывающего над острыми пиками высоких гор.

Максим и Алексей, сидя на броне третьего по счету БТРа, ежились от утренней сырости и плотно прижимались друг к другу плечами. Максим поднял воротник бушлата и, повернув голову на сто восемьдесят градусов, с надеждой посмотрел на идущий в авангарде колонны БТС – боевой танк саперов. Огромная железная машина, грозно рыча, мощно толкала впереди себя многотонный вращающийся трал, безжалостно рыхлящий огромными шипами спекшуюся землю. Хотелось верить, что «духовские» фугасы наверняка под ним сработают. Он поплотнее прижался к другу и, сладко закрыв глаза, задремал. Наверное, даже не задремал, а просто провалился в беспокойное забытие.

Прошедший день, пожалуй, самый тяжелый день в жизни этого восемнадцатилетнего парня, выжал из него остатки юности и детских иллюзий. Вчера впервые в своей жизни Максим, отказавшись от сладкой участи, сделал серьезный, осознанный выбор в пользу борьбы и новых испытаний, и поэтому сегодня он был уже совсем другим человеком. Люди обычные никогда не выбирают трудных дорог, им даже в голову не приходит, что теплый покой и уют можно осознанно поменять на холод и нечеловеческое напряжение. Вот почему небо любит героев!

Максим спал тревожно, но крепко, невзирая на ревущий где-то под ним многосильный мотор и подбрасывавшие громоздкую машину ухабы афганского бездорожья. И находился он далеко от своего тела, очень далеко, в мире сладких грез и упоительных иллюзий, где отсутствуют понятия расстояния и времени. А снилась ему Маринка, его первая и настоящая любовь. Он с ума сходил от ее длинных каштановых волос, а пьянящий аромат ее упругого тела даже во сне доводил его до полного умопомрачения....

* * *

– Ты знаешь, а у меня кое-где есть родинка, – заявила Маринка, загадочно улыбнувшись и волшебным хлопком при этом своими пушистыми ресницами. В ее квартире они были

одни, потому как родители Маринкины отправились в гости. По ее загадочной улыбке и по тому, как она это сказала, Максим блаженно понял: родинка не на плече, уж точно.

– И где же, позвольте спросить, находится это наше «кое-где»? – ласково промурлыкал Максим, чувствуя прилив необычайно приятной энергии. Похоже, вечер зря не пройдет.

– А, вот! – еще более загадочно сказала она и сделала попытку перевести разговор на другую тему. Но не тут-то было. Максим, прошуршав потертými джинсами по мягкому дивану, приблизился вплотную к девушке и осторожно положил руку ей на плечо.

– Маринка, так нечестно! Если уж сама начала разговор про свое родимое пятнышко, – продолжал мяукать он, поглаживая нежное плечико, – то я обязательно должен на него посмотреть и полюбоваться.

– Ты что, с ума сошел? Она у меня на таком месте,... – наигранно округлила глаза Маринка, сделав попытку отодвинуться от возбужденного парня.

Неожиданная догадка вмиг иссушила мужскую гортань, превратив ее в Сахару. Неужели на...?

– На каком? – проглотив сухой ком, с трудом прохрипел Максим и, закашлявшись, намертво прижал к себе девчонку.

Осознав, что сопротивление бесполезно, Маринка обмякла и, прижавшись к Максиму, прошептала:

– Я стесняюсь, Максимка....

– А ты и не говори, – набирая обороты, перебил ее Максим, – просто покажи, и все дела!

– Стесняюсь, и все, – отрезала Маринка.

– Ладно, давай тогда так, – перегруппировавшись, зашел с флангов «Багратион», – я на минуту закрою глаза, а ты в это время подготовишь родинку к показу. Когда можно будет посмотреть, ты мне дашь знать.

– Хитренький какой. Подготовишь к показу,... – передразнила его Маринка. – Чтобы ее увидеть, мне надо кое-что с себя снять....

Максиму показалось, что в комнате неожиданно иссяк кислород.

– Значит, надо снять! – неожиданно для самого себя выкрикнул он и, смутившись, закрыл себе рот свободной рукой.

– Я стесняюсь, – уже как-то неуверенно пролепетала Маринка, и ее аккуратная красивая головка нежно опустилась на сильное мужское плечо.

– Она у тебя там?.. – Максим взглядом попытался сориентировать Маринку на местности.

– Нет, не там, – тихо ответила она и уже шепотом добавила: – Она у меня на левой груди....

О, боже! Мужское сердце рвалось наружу с такой силой, что, казалось, грудная клетка уже трещит по швам. Бездействовать Максим больше не мог, иначе он мог взорваться, как не выдержавший огромного давления паровой котел. Уже расстегивая на груди у этого чуда под названием Маринка ее тонкую кофточку, он знал наверняка: она всецело в его руках. И если он сильно захочет, то увидит не только родинку....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.